

Александр Борисович, мы беседем накануне премьеры вашей новой работы - оперетты «Чайка», поставленной в театре «Школа современной пьесы» Иосифом Райхельгаузом. Третья «Чайка» в одном театре, да еще в таком жанре - это ли не повод для разговора? Но прежде - несколько слов о себе, поскольку, как я убедился, вас хорошо знают те, кому за сорок, но не знают те, кому нет тридцати.

- Писать музыку, в том числе для театра, я начал рано. А известным композитором стал благодаря рок-опере «Орфей и Эвридика». В 1975 году ее взяли играть «Поющие гитары». И играют до сих пор! Поэтому, кстати, попали в Книгу рекордов Гиннеса. Кстати, мюзикл «Кошки», который шел на Бродвее и занесен в Книгу рекордов Гиннеса, играли 18 лет. А «Орфея и Эвридику» играют уже 28 лет...

Двенадцать лет я жил в Америке. Но два года назад переместился в Россию. И в моем творчестве наступил ренессанс - здесь я написал гораздо больше, чем за предшествующие двенадцать лет. Судите сами: в Магаданском музыкальном театре идет спектакль «Прощальный концерт», посвященный памяти художников, поэтов, музыкантов - узников ГУЛАГа и приуроченный к 100-летию со дня рождения великого русского певца Вадима Козина. В мае прошлого года в рамках празднования 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга в Театре имени Ленсовета состоялась премьера музыкального спектакля «Владимирская площадь» по мотивам романа Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные»: по жанру - опера для драматического театра. Мюзикл «Губы» по мотивам романа В. Набокова вот уже более года с неизменными аншлагами идет в «Театре Луны». Первый в мире музыкальный детектив «Мышеловка» по одноименной пьесе Агаты Кристи, поставленный в нескольких провинциальных театрах, - тоже важная для меня работа.

И наконец, то, ради чего мы встретились - оперетта «Чайка», заключительная часть трилогии. В театре «Школа современной пьесы» идут чеховская «Чайка» и «Чайка» Акунина. Последняя, впрочем, имеет лишь касательное отношение к чеховской пьесе - в ней происходят события «после Чехова» - расследование убийства Треллева. Оперетта «Чайка» вновь возвращается к событиям, происходящим в пьесе Чехова. Только там все время поют и танцуют. Это самая настоящая, классическая оперетта...

- И чья же это идея?

- Представьте, моя. Шел как-то по Трубной площади, и в глаза бросились две афиши: Чехов «Чайка» и Акунин «Чайка». И я подумал: должна быть и третья «Чайка»! Бог троицу любит. Идею предложил Иосифу Райхельгаузу. Он тут же согласился. И за год мы сочинили оперетту «Чайка».

- Александр Борисович, вы сказали, что это классическая оперетта. И это прозвучало на фоне мюзиклов. В чем «классичность» вашей оперетты?

- Во-первых, на названии «классическая оперетта» настаивает режиссер Иосиф Райхельгауз. Я соглашаюсь, но при этом считаю, что достаточно одного слова: оперетта. Классическая оперетта все-таки предполагает, скажем, большой оркестр, хор, кордебалет, шикарные декорации и костюмы. Классическая оперетта - это, наконец, Штраус, Оффенбах, Легар.

- Это и трехчастная форма, увертюра, дуэты и прочее...

- В этом смысле наша «Чайка» - классическая оперетта, поскольку в ней есть дуэты, трио, квартеты и даже секстеты, где артисты одновременно поют шесть разных партий. Представляете, драматические артисты поют сложнейшую полифоническую музыку, и героически это вытягивают! Есть у нас и оркестр, правда, небольшой - восемь-девять человек. Но играют вживую.

- И все-таки почему оперетта? Чем она отличается от мюзикла?

- В классической оперетте не бывает плохого конца, не бывает, чтобы герой умирал или кого-то застрелили. В оперетте всегда счастливый конец - это жанр веселый. И в этом смысле наша «Чайка» - оперетта: там есть happy end.

Почему мы на это решились? Все понятно, чем оканчивается пьеса «Чайка»: Треллев застрелился. Но мало кто помнит детали. А происходит это так: после того как за сценой звучит якобы выстрел, входит доктор Дорн и сообщает: «Лопнула склянка с эфиром», затем - перелистав журнал! - отзывает в сторону Тригорина и говорит: «Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...» Занавес. Но в пьесах, когда кто-то на сцене умирает, следует авторская ремарка: умирает. У Чехова такой ремарки нет, а есть лишь реплика доктора Дорна. Причем, заметьте, доктор, по пьесе,

Александр ЖУРБИН:

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

МЫ С ЧЕХОВЫМ «НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ»

Александр Журбин окончил Ташкентскую консерваторию по классу виолончели, затем - Московский институт имени Гнесиных по классу композиции и аспирантуру Ленинградской консерватории. С 1970 года - член Союза композиторов. Написал три симфонии и четыре фортепианных концерта, два квартета и квинтет, сонаты и вокальные произведения. Особый интерес для него представляет музыкальный театр: написал шесть опер, три балета и шестнадцать мюзиклов. В жанре эстрадной музыки перу Журбина принадлежит около двухсот песен. Он автор музыки более чем к пятидесяти художественным фильмам. Лауреат нескольких всесоюзных и международных премий, включая «Star Of The Year» (Великобритания). Собирает книги, картины современных художников, имеет большую коллекцию звукозаписей и нот. Любит хорошее кино и хорошее вино.

большой шутник. Мы можем предположить, что доктор пошутил? Или что обозначил - застрелился совсем другой человек? Или что Треллев таки стрелялся, но неудачно? Для такого предположения у нас есть все основания, потому что по ходу пьесы Константин Гаврилович стреляется несколько раз. Вот мы и предположили, что он стреляется как-то не очень серьезно, если хотите, демонстративно. Поэтому у нас в оперетте идет бесконечная пальба. Один выстрел, другой, третий. И каждый раз кто-нибудь спрашивает: «Что это?» Ему отвечают: «Это форточка хлопнула». - «А это?» - «А это муж вернулся и хлопнул дверью». - «А это что?!» - «Лопнула склянка с эфиром». И наконец, выходит доктор Дорн и говорит: «Должен вам сообщить смешную вещь: Константин Гаврилович опять застрелился!» Так и говорит: опять! Потом выходит сам Константин Гаврилович и говорит: «Не волнуйтесь, все в порядке». Хороший, добрый финал. Всем весело...

- В продолжение разговора об отличиях. В оперетте звучат классические, поставленные голоса. В мюзикле поют драматические актеры. В вашей «Чайке» поют драматические актеры.

- Это правильный вопрос. Действительно, у профессиональных артистов оперетты голоса поставленные и сильные. У драматического актера голос может быть сильный, но не поставленный или, как часто говорят, «неправильный». Есть драматические актеры с хорошими, но слабыми голосами. Но вот что важно: талантливый драматический актер поет выразительно - и это, на мой взгляд, главное, ибо интонация - основа музыкального искусства.

С другой стороны, в классической оперетте поют без микрофона. И в этом смысле нашу оперетту можно назвать

классической - наши актеры поют без микрофонов, вживую. Скажу честно, я не верил, что такое возможно, и говорил режиссеру: ну не реально, Иосиф Леонидович, чтобы актеры пели без усиления. Но когда заиграл оркестр и они запели, то стало ясно: я был неправ. Голоса хоть и не великие, но поют актеры замечательно! Приходите послушать...

- Александр Борисович, скажите, создатели оперетты с Чеховым «на дружеской ноге»?

- Литературную часть спектакля писал Вадим Жук. Я бы сказал так: он хорошо известен в узких кругах, широкая публика его не знает. Но тем не менее его стихи вы слышите часто. Вадим Жук, например, писал все стихотворные куплеты для передачи Шендеровича. Вадим остроумный человек, автор знаменитых капустников, которые сами по себе настолько хороши, что участники ездили с ними на гастроли по городам России. Он окончил театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Диссертацию писал по Чехову. Наизусть знает чеховские тексты. Знает все о Чехове. На мой взгляд, хорошо все придумал. Поверьте мне, в нашу задачу не входило пародировать Чехова. Все линии сохранены: любовь Треллева к Нине, любовь Нины к Тригорину, любовь Медведевко к Маше, любовь Маши к Константину. Все, что сказано в пьесе, выражено в музыке. Так что на этот вопрос я отвечаю: да, мы с Чеховым «на дружеской ноге». И гордимся этим. И думаю, Антон Павлович на нас не обиделся бы за такую постановку. Тем более что Антон Павлович в молодости рецензировал оперетты. Рецензии вошли в его собрание сочинений. Недавно одна дама задала мне вопрос: «А вы знаете, как Чехов относился

к оперетте?» Я говорю: «Нормально относился, ходил смотреть». На что дама категорически отреагировала: «Ах, не могу себе представить, чтобы Чехов пошел в оперетту!» С удовольствием ходил, ведь Чехов был все время человеком с большим чувством юмора...

Кстати, в этом году столетие со дня смерти Чехова. И Райхельгауз планирует - это отважно, интересно и, как я думаю, будет занесено в Книгу рекордов Гиннеса - сыграть в этот день все три «Чайки»: в 12 часов - чеховскую «Чайку», в 15 часов - акунинскую, в 19 часов - оперетту.

- Теперь - о мюзикле оперетты.

- Я старался, чтобы музыка соответствовала чеховскому времени. Наибольшее соответствие этому времени, естественно, у композитора, чья фамилия также начинается на букву «Ч» - Чайковского. Как мне кажется, моя музыка ближе всего к его музыке. Не подумайте, однако, что я сравниваю себя с Чайковским. Но в оперетте звучат русские романсы, по стилю, по складу близкие к музыке Петра Ильича. Если же говорить о сознательных аллюзиях, то в одном месте, а именно там, где Костя Треллев демонстрирует свою пьесу о мировой душе, звучит музыка, скорее всего напоминающая музыку Скрибина. Там есть даже цитаты из «Поэмы экстаза». В целом же в оперетте много милых лирических песенок и романсов. И абсолютно несовременных - в том смысле, что это не попса. Как мне говорят, пять-шесть из них обречены на популярность - их запоют. Был бы здесь роль - я бы сыграл...

- И, наконец, несколько слов об исполнителях.

- Этот театр имеет постоянную труппу. Более того, идея Райхельгауза, на мой взгляд, замечательна: все три «Чайки» бу-

дут играть одни и те же актеры. Это трудно, почти невозможно. Тем не менее в чеховской «Чайке» и в нашем музыкальном спектакле играют Альберт Филозов, Лев Дуров, Анжелика Волчкова, Ирина Алферова, Ольга Гусилетова, Владимир Шульга, Саид Багов. Все они прекрасно поют.

- Чем порадуете своих поклонников после «Чайки»?

- Закончил работу над музыкальным произведением «Дураки» по одноименной пьесе Нила Саймона и назвал свое творение абсурдной музыкальной комедией. Нил Саймон - классик американской драматургии, но мало кто знает о пьесе «Дураки», действие которой происходит в русской деревне Куличовка. Почему Саймон ее написал, он не смог мне ответить. Но это очень смешная пьеса. Нынче работаю - скажу скромно - над оперой «Король Лир». Впрочем, опера будет называться, наверное, так: «Король и три его дочери». И вообще это будет вовсе не по Шекспиру, а по «Хроникам» Холиншеда, из которых Шекспир черпал сюжеты для своих пьес. Еще несколько крупных замыслов бродят в моей голове. Я все время пишу...

- Александр Борисович, но почему вы не пишете для эстрады?

- (Вздыхает.) Эстрады как таковой сейчас у нас нет. Есть попса. Когда-то было такое благородное явление под названием советская эстрада. Как говорится, лицом к лицу лица не увидать. Поэтому советскую эстраду в свое время много и часто ругали. Но теперь, по прошествии лет, мы понимаем, что у нас были замечательные композиторы, замечательные песни и замечательные певцы. Я говорю о песнях советского времени - 30-х, 40-х, 70-х годов. Это были очень красивые песни, сделанные мастерами. Сегодня эстрада не деградировала и даже не выродилась, а просто превратилась в совершенно другой жанр, к музыке отношения не имеющий. Это какие-то консервы из невыразительных, механических звуков - «песни» сменяют одна другую, а мы этого даже не замечаем, потому что они похожи как близнецы. То же можно сказать о певцах и певицах. Часто говорят: на нынешней эстраде нет голосов. Неправда! Голоса есть. Но нет личностей - таких, как Пугачева, Кобзон, Кристаллическая и еще многих из тех, кто пел в 60-70-е годы - у каждого было свое лицо, свой репертуар. Скажу честно, я за современную эстраду не слежу, не смотрю музыкальные каналы. Я ничего там для себя не нахожу. Для меня там - пустота. Поэтому я не пишу эстрадных песен. Точнее, пишу только тогда, когда меня об этом просят. Сейчас, например, пишу музыку к фильму.

- А не боитесь, что вас обвинят в отступничестве, в нежелании что-то изменить? Ведь многие хотят, чтобы хорошая эстрада вернулась...

- Наверное, это изменить невозможно, да я и не собираюсь менять. Это дело молодого поколения - пусть сами разбираются, что им петь и что слушать. Повторяю: мне в этом жанре работать не хочется. Для души у меня есть джаз-клуб «Синяя птица», я там провожу то, что называется «Кабаре Александра Журбина». Пою песни свои и чужие - те, которые мне нравятся. Там все поют. Вход свободный.

А что касается отступничества, то отвечу так: за то время, что мне осталось, хочу успеть реализовать свою жизненную программу - написать несколько больших произведений, поэтому не растрачиваю силы на пустяки. Увы, за последние 10-15 лет я много сил растратил на всякую ерунду...

- Что это за «ерунда»?

- Пытался заниматься не свойственным мне делом. Например, почти пять лет был продюсером фестиваля русских фильмов в Нью-Йорке. На протяжении восьми лет был художественным руководителем собственного театра в Нью-Йорке, который назывался «Блуждающие звезды». Там играли наша знаменитая прима Елена Соловей, Борис Сичкин, еще 15-20 бывших советских актеров, которые приехали в Нью-Йорк и остались без дела, без профессии, без языка. Я их собрал и объединил. И мы поставили десять разных спектаклей, которые имели успех. Но я понял, что не мое это дело: не режиссер я и не продюсер. Я музыкант, и мне надо заниматься своим делом. И не пытайтесь отклоняться. А если отклонился - нужно непременно вернуться. И идти до конца своей дорогой...

- Стало быть, нынешний ренессанс - возвращение навсегда?

- Хотелось бы, чтоб так было. Но есть такое английское выражение: «Never say never!» - «Никогда не говори «никогда!»». Навсегда заколачивают только гвоздь в крышку гроба. А до того момента все еще может измениться. Могу сказать только одно: я увлечен своей главной работой - сочинением музыки. И больше ничто меня не интересует...

Василий ДВОРЫКИН